

РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ НАРОДНОГО ГЕРОЯ В НОВЕЛЛЕ ЮРИЯ ЛИПЫ «РУБАН»

Н.Е. Левицкая

В статье исследуются реалистические и мифологические черты главного героя новеллы Ю. Липы «Рубан».

Ключевые слова: новелла, мифологизация, народный герой

У статті досліджено реалістичні і міфологічні риси головного героя новели Ю. Липи „Рубан»

Ключові слова: новела, міфологізація, народний герой

The article studies the character of the main personage of the short story «Ruban» by U. Lipa

Key words: a short story, mythologization, a folk hero

Поражение национально-освободительных соревнований тяжело переживалось непосредственными их участниками, то есть украинскими политэмигрантами второй волны, к которым принадлежал и Юрий Липа. Поэт и эссеист Евгений Маланюк так характеризует сложную психологическую атмосферу, в которой оказались молодые интеллигенты, которые с оружием в руках боролись за самостоятельную Украину в рядах войск УНР: *„Як сталося, що ми, хоч духовно озброєні великими ідеями, опинилися в таборах для полонених? Як сталося, що ми, хоч ідейно непереможні, виявилися переможеними й безпорадними? Як сталося, що ми втратили Батьківщину, а Батьківщина втратила нас, своїх вірних синів?*

Не було відповіді на ці запитання від наших командирів (які теж ставили собі такі самі запитання), ані від тих політиків, які час від часу навідувалися до наших таборів. Єдиним шляхом знайти відповіді було зробити це самим...» [3, с. 374].

Далее в коротком очерке-воспоминании о Дмитрие Донцове с подъемом и увлечением рассказывается о восстановленном издании львовского «Литературно-научного вестника», который дал ответа на все вопросы: *„І ось раптом 1922 року з'явилось перше число відновленого „Літературно-наукового вісника“, й ім'я головного редактора було Дмитро Донцов. І в цьому найпершому числі вже була запорака відповіді. Це було – як зламана облога, як повернення здатності рухатись після довгого паралічу» [3, с. 374].*

Отношения Ю. Липы и Д. Донцова – тема, которая требует отдельного и непредубежденного исследования. Здесь укажем только, что конфликт с редактором ЛНВ помогает понять идеологические и эстетические основания прозаического творчества Ю. Липы. В частности, примечательно, что Д. Донцов настоятельно рекомендовал ему сосредоточиться лишь на поэзии, отказавшись от попыток найти себя в прозаических жанрах.

Конфликт между Ю. Липой и Д. Донцовим имел не частный, а идеологический характер. Как известно, героическая концепция Донцова расчленяла нацию на героев и плебеев. Идеолог интегрального (действующего) национализма пропагандировал идею *„роздору в рідній хаті”*, *„була фактично програмою громадянської війни серед українців, покликаною відділити „вірних” від „невірних”, „революціонерів” від „опортуністів”, „патріотів” від „ренегатів”, „елітну касту” від „свинопасів” [5, с.521].* Как справедливо отмечает Александр Гриценко, *„пізніше, з кінця 1930-х, саме ця ідея стала підставою для кривавих „розбірок” між двома ворогуючими фракціями розколотої ОУН – бандерівцями та мельниківцями” [1, с. 140].*

Это были времена просмотра традиционных оценок личности и творчества Шевченко. Д. Донцов активно использовал слово «Шевченко» как основание для своей политической мифологии, а Е. Маланюк старался убедить читательскую массу в элитарности (в противоположность народности) Шевченко. В частности, он заявлял: *«Людину, що ціле життя шукала дороги до „прадідів козацьких”, до побіди й потуги, поета, що в його творах образ „вміти панувати” звучить як лямімотив, від юнацьких коломийкових поем почавши й на пізнійшій ямбичній ліриці скінчивши, – таку людину й такого поета не треба без устанку називати „мужицьким бунтарем”, чи там „співцем кріпацької неволі”. Не годиться, як казали у нас в старовину. Був-бо він паном, та ще й он яким. Був він ним і в нашій літературі, що мала титульованих і нобілітованих, і в нашій історії» [4, с. 46].*

Нетрудно заметить, что Е. Маланюк переворачивает с ног на голову не только творческое наследие Шевченко, а и укоренившиеся и далеко не бесосновательные в украинской культуре представления о «национальном предательстве элит», что их, эти представления, О. Гриценко почему-то называет «народнической мифологемой» [1, с. 141]. В национальных бедах, в частности

поражение УНР, по Е. Маланюку, виновный «плебс», то есть народ, а наибольшее – крестьяне, которые в своей массе не воспринимали донцовский культ «прямого чина». Этот культ, отмечает О. Гриценко, «также претендовал на прямое происхождение от шевченковской оппозиции между «настоящей жизнью», которая отождествляется у поэта с одухотворенным активным действием, и простым прозябанием (которое он называет «сном»)» [1, с. 141].

Другую идейно-эстетическую позицию относительно крестьянства занимает и пылко отстаивает Ю. Липа. Надо ли испытывать удивление, когда Д. Донцову была не по душе статья Липы «Крестьянский король», посвященная Шевченко, редактор ЛНВ не воспринимал и прозу Ю. Липы, в которой украинский крестьянин, как увидим дальше, являлся непокоренным героем-исполином, который никогда не смиряется с поражением, рано или поздно получает свободную жизнь и строит собственное государство.

У крестьянского предводителя Рубана, героя одноименной новеллы (вслед за автором, называем новеллами все произведения, помещенные в книжке «Нотатник» [2], хотя некоторые из них правильнее квалифицировать как повести), Ю. Липа акцентирует, прежде всего, типажность, родительную схожесть с героями народных дум. Образ Рубана вырисовывается на фоне украинского села, более похожего в девятнадцатом году XX столетия на мирное, с уклоном к идеализации, разброзанного среди роскошной природы, спокойной, «сонной» человеческой жизни:

„У травні дев'ятнадцятого села були, як фортеці. І села були, як обсерваційні пункти.

Чужинців селяни пізнавали відразу. Слухали промов, слухали залицянь до себе, до свого хліба – і питалися звисока:

– А ви самі хто будете: київські чи московські?

– А на кого скидаємось?

– Хто його знає... Тепер по-всякому всяке навчилось. І китайця не пізнаєш. Ба, ви такі, – немов не тутешні.

Стояли на порогах хат, відпроваджували очима нужденні, зайшли полки по сто, по двісті людей із червоними прапорами, із написами: „Камішинський“, „Кірсановський“, „Вяземський“.

Очі прищулені, насмішуваті:

– Приїхали – хе-хе! Почули, що засіялись... Советські агітатори на рундуках зборень і волостей вигукували про „крицевий крок червоної армії“.

Ім здалеку відповідав гамір, укритий і сильний, як гамір хвиль, замкнених скелями.

Відповідали голоси наглі, яскраві, що визирали раптом, як визирають вогні, чорні стрімчаки каміння під час прибережної води.

Одні дивились, другі кричали, треті брали обрізани до рук і викопували сховані кулемети“.

В этой картине украинского села Ю. Липе удалось минимальными художественными средствами передать его стихийную силу, самоуважение, непокоренность и величие. Крестьянское море, которое в новелле «Рубан» тождественно житейскому, глухо и грозно волнуется. Народ старается отсеять правду от вранья, «своих» от «чужеземцев». В этом помогают крестьянам, прежде всего, правовые ориентиры, а среди них – «здешний» или тот, кто пришел агитировать. И так, принадлежит ли он к детям именно этой земли, в которой отношения находятся с ней, исповедует ли «закон земли». Если так, мужчине можно верить.

На фоне грозной крестьянской стихии возникает («выныривает») Рубан, призванный организовать (не подчинить) эту стихию. Писатель наделяет героя чертами козака-характерника. Рубан похожий на дух, появления которого ждали, которого призывали, – казачий, запорожский дух украинского села.

Фигура Рубана отличается от крестьянской «массы». Все свидетельствует о том, что это тип воина, а не хлебопашца. Он настроен на борьбу, готов к ней, собственно, создан для борьбы. Однако воин в новелле Ю. Липы никогда не противопоставляется крестьянской массе. Наоборот, автор подчеркивает «однокровность» героя и окружения. В художественном характере Рубана лишь кристаллизуются черты, присущие массе, народу. Нигде в новелле не найдем даже намека на противопоставление: казак (Рубан) – «хлебопашцы» или «свинопасы» (пассивное, «сонное» крестьянство, которому чужда организованность и структурированность), на котором строил свою кастовую концепцию «ведущего слоя» Д. Донцов.

Рубан – плоть от плоти украинского крестьянства. Он воюет за «крестьянскую правду», то есть отстаивает естественное право людей, которые испокон веков живут на этой земле, принадлежащей им так же, как они ей. Рубан воюет против «чужеземцев», которые стараются коварством и силой установить свой закон, подчинить своей власти, лишь бы снова держать народ в покорности. Его борьба успешная, так как он сплачивает, учит, ведет кровных братьев к бою за общее, кровное, одинаково близкое и понятное всем дело. Ю. Липа не утомляется повторять: Рубан – народный герой, собственно рыцарская ипостась народа, а не представитель «господствующего» и «ведущего» слоя. Вместе с тем писатель заявляет, что Рубан не принадлежит к героям, казалось бы, местного значения, для которых театр военных действий ограничивается территорией собственного села или района:

«Рубана не тянуло, как других повстанцев, к собственному селу. Он даже быстро покинул Левобережье и перешел на правую сторону, на юг, потом еще дальше на юг». Итак, Ю. Липа презентует читателю героя масштабного, всенародного, ту силу, рожденную селом, которая способна успешно защищать свою землю, громить организованного и наученного врага (в новелле это белогвардейцы и красновардейцы), и, в конце концов, потенциально способного одержать окончательную победу.

Народный предводитель Рубан не является выдуманным романтическим героем, который на крыльях авторской фантазии залетел в военную действительность начала XX столетия из казацких дум. Рубан прошел хорошую военную подготовку в действующей регулярной армии. Знание и привычки, приобретенные на фронтах I Мировой войны, и вдобавок – в партизанском отряде, плюс естественный талант командира, плюс убежденность (воюет за святое дело) и образовали в сумме этот убедительный эпический образ талантливого народного проводника. Наверное, не напрасно акцентирует Ю. Липа внимание на дисциплинированности своего героя и суровой воинской дисциплине, которая властвовала в его войске. Писатель убеждает читателя, что отряд Рубана отличался организованностью, действовал не наугад, а в соответствии с логикой воинского искусства, то есть был максимально близок по своей природе к регулярным армиям. Нетрудно постичь идеологический подтекст такого трактования: писатель утверждает, что народ способен к самоорганизации.

В эпизоде с красным комиссаром Рубан выступает в роли мифического героя. В соответствии с поэтикой народных сказок, он задает оппоненту три вопроса. Потом просто и убедительно доказывает комиссару и всем присутствующим зрителям (казакам-«рубановцам», красным казакам и крестьянам из окружающих сел), кому принадлежит власть:

„–Влада советська, народня... – починає чорненький.

Помахав Рубан пужалном.

– Раз влада народня, так і знай, що народня. Понімай, все – наше, і все – народне. Пужално, от наприклад, моє чи народне?

Свиснуло калинове: оперіцив Рубан комісара.

– Так і получай, – народнім пужалном, – кричить, б'є по пальцях, по руках. – Не я б'ю, це народня власть б'є.

Сягнули було червоні старшини до своїх револьверів, а коло них, коло кожного – два рубанівці: – Стой, бра', не воруйсь!..

А Рубан б'є, приговорює:

– Буде настояща власть, без гріха, по-Божому, будемо її держатись, як вош кожуха. А з твоєю советською, то ми землі не побачимо, нічого не побачимо!»

Сцена напоминает известные из агиографической литературы эпизоды изгнания праведником нечистого духа. Цель Рубана – очистить родную землю от нечисти и ввести на ней Божий порядок, адекватный в крестьянских представлениях «закону земли». Он отстаивает вечные ценности бытия, в противоположность комиссару, который провозглашает лживые лозунги, скомпонованные с единой целью: снова собрать разваленную революцией империю, на этот раз не под самодержавным скипетром, а под властью касты большевистских вождей.

Как и должно мифологическому герою, в третий раз посрамив неприятеля, Рубан убивает его. Затем красные казаки переходят на сторону рубановцев, называют командира «отцом» и в доказательство своей верности ведут бывших своих командиров и коммунистов к Ингулу топить. Идеологическая борьба Рубана с комиссаром завершается триумфом народного предводителя. Победив в этом идейном, точнее духовном, поединке, он становится легендарной (мифологической) фигурой в глазах окружающих крестьян. Учитывая поэтику мифотворчества, одних лишь боевых побед для этого мало.

Испытывая характер своего героя в разных ситуациях, Ю. Липа сознательно, целеустремленно и нескрывто (используя и рискованные средства прямой патетики) создает образ мифологического героя. Рубан излучает сверхчеловеческую силу. Сразу же уточним: в концепции Ю. Липы эта «надлюдськість» является синонимом народной силы, а не кастовой привилегией героя-сверхчеловека, противопоставленного крестьянской массе. Рубан одолевает, уничтожает врагов не только оружием и словом, а и своим статусом народного мстителя. Комсомолец Финкельштейн, сосланный с целью убийства крестьянского предводителя, ощущает приступы панического ужаса. Грозная фигура Рубана разрастается в его воображении до титанических размеров. Финкельштейну снится вещий сон:

„Крізь світанкову сірість бачив: іде хтось високий попід небо, за ним сотні й тисячі, він убиває жінки й діти, жене бичем сивих і згорблених дідів. Він упитий вином, його великі чорні очі світяться. Ось він близько, високий, на шість ліктів його подертий хитон розвивається серед скал, як шлики різнокольорові, мідяний шолом і мідяні наколінники на ньому, а ратище його, як ткацький вал. Він гукає страшим голосом: «Це я йду на вас, филистимлянин – Рубан...»

Грозная фигура Рубана разрастается в воображении Финкельштейна до титанических размеров, она соразмерна с чужой окружающей степью. По сравнению с Рубаном, с этой украинской степью убийца-заговорщик чувствует себя пылинкой:

„Вночі глухо озивалися простори, озивалися потужні, громаденні струни, натягнуті через цілий степ. Вони здригалися, зазвучавши, і в тім глибокім звуку тряслась, як пилінка, людина, не знаючи: звідки це, що це, куди кличе це, щось, що сповнює небо і землю?“

И сон, в котором Рубан предстал в подобии великана Голиафа, и безлюдная необозримая степ преисполнены такой эпической силы и величия, что Финкельштейн начинает говорить о поражении революции. Он мысленно сравнивает неизмеримую стихийную силу степи и Рубана – духа-заместителя этой крестьянской земли – с пролетарской революцией, припоминает «страстные скулежи раненого Ленина» и приходит к выводу, что «революция гибнет», что большевики «не удержат Украины». Остается только одно: *„Умерти, як умирали паризькі комуністи. Тут умерти, де вже нас стільки пропало“*. Финкельштейн гибнет на какой-то степной станции, даже не доехав к тем районам, где действовал отряд Рубана. Никчемность комсомольца, который был намерен убить крестьянского предводителя, подчеркивает писатель выразительной деталью: когда его напарник Упорников подходит к месту, где лежал только труп Финкельштейна, *„там уже не було нічого, тільки купка зім'ятих паперів“*.

Комсомолец Упорников продолжает охоту на крестьянского предводителя, становится в ряды его войска. Остается выбрать удобную для убийства ситуацию. Такая возможность появилась, когда после очередной победы над красными, ночью, Рубан подсчитывал трофеи и на огромном костре жег флаги побежденных. В свете костров Рубан кажется сказочным великаном. Сжигая вражеские флаги, он будто выполняет магическое действие, утверждая титаническую силу земли и людей этой земли в противоположность мизерности чужаков-окупантов:

„– А тепер... іще хто?“

І Рубан великий, височенний, встав серед полум'я. Здавалося, головою сягав неба.

– Дак хто ж проти нас? – Почув Упорників це раз виразно слова Рубана і почав цілитись“.

Однако ответить выстрелом на вопрос героя комсомольцу не пришлось: широкое речное течение (он стоял под берегом, в воде) подхватило его и двинуло на глубину. И водная стихия была на стороне народного предводителя. Упорников тонет, и последнее, что видит перед собою, – это титаническая фигура Рубана: *„Темрява, і холод, і течія несли його все швидше. Він не вплив більше, щоб це раз глянути, як високо стоїть над Богом освітлена постать, як стоїть вона серед возню над бистрою і бездонною стихією“*.

«Бог» в этом отрывке является старинным названием речки Буг. Возвращение к древнерусскому произношению делает более выразительной магическую символику сцены, в которой Рубан возникает как властитель стихий – на фоне огня и реки, которая спасает его от гибели. Это кульминационный момент в разворачивании характера героя, апофеоз Рубана как мифологического героя. В дальнейшем его ждут испытания совсем другого характера: он присоединяется к армии Директории, становится действующим лицом конфликта между «стихийностью» и порядком – одного из ключевых конфликтов революции и гражданской войны.

По тональности новелла «Рубан» складывается из двух разнофакторных частей. В первой доминируют стилистические приемы с поэтикой мифотворчества и народного героического эпоса. Во второй преобладают реалистические интонации – герой будто уменьшается, лишаясь мифологической силы, и в конце концов, не совершив последнего подвига, бесславно гибнет.

Действуя в соответствующих обстоятельствах автономно, крестьянский предводитель Рубан приобретает черты мифологического героя. Писатель внимательно проследивает процесс его самоутверждения в этой ипостаси. Таким возникает он под углом зрения бойцов своего отряда, крестьян, чью землю и правду защищает. Если же герой присоединяется к войску Директории, то под углом зрения военных законников-штабистов его образ демифологизируется и упрощается. Народный герой и руководство украинской армии, имея общую цель, разговаривают на разных языках и не могут найти общего. При этом, что знаменательно, симпатии автора на стороне Рубана. Он не склонен обвинять его в непокорстве нрава и оценке событий с точки зрения крестьянской массы.

Довольно подробно сообщает писатель о несогласиях между Рубаном и старшиной, который в отношении к нему проявлял, кажется, лишь желание использовать и «взнуздать», то есть подчинить воинской дисциплине. К нему не относились как к командиру, поэтому еще во время первой встречи со штабистами «хотел выругаться и убежать. Но сдержал себя. Он хотел показать, что он тоже начальник, хотя другого типа».

Руководство вооруженных сил Директории не было в состоянии правильно оценить военные способности, а главное – духовный потенциал Рубана как олицетворения стихийной силы украинского села. Вместе с тем его признавали грозным неприятелем враги – красные и белые. В жизни Рубана наступает новый этап после трудных боев с большевиками «надійшли ще важчі місяці

боїв з царськими офіцерами». Народный герой «пошел с радостью на этого нового, хотя и лучше экипированного врага». Бригаду Рубана, которая побеждала в этих боях, по-своему отметил даже командующий южным фронтом деникинцев, приказав «при зустрічі з вищеназваною бригадою... в полон не брати, бити аж до знищення». Узнав о настоящем приказе, Рубан с гордостью заявляет, что он – партизан и там видно будет, кто кого уничтожит. А тем временем «знищення прийшло з іншого, несподіваного боку» – от своих...

Ю. Липа ставит героя в типичную до тривиальности ситуацию: как командир, он может отреагировать на акт мелкого мародерства, учиненного его воинами. Рубан отреагировал по-народному: собственноручно высек виновных. Но штаб требует их расстрела. Известно, что Рубан не мог согласиться с таким решением. Дело приобрело фатальное содержание, если им занялся прокурор военно-полевого суда, а от штаба «Действенной Армии» приехал уполномоченный сотник Сербецкий „з наказом для Рубана здати бригаду, а самому прибути до штабу. В разі спротиву Сербецький мав уповноваження арештувати Рубана”.

Далее внимание писателя сосредоточивается на столкновении Рубана и Сербецкого. Сотник-штабист с римским профилем является в новелле воплощением того «варяжского» начала, на которое возлагались большие надежды во время выхода в мир «Нотатника» Ю. Липы. Итак, в новелле сталкиваются два начала – «стихийное», крестьянское, народное (Рубан) и государственное (Сербецкий). От сотника-штабиста веет холодом боевой стали. Он – «стальной рыцарь», представитель «ведущего слоя», как это виделось Д. Донцову и Е. Маланюку. Сотник провозглашает при обсуждении поведения Рубана программные слова:

„– Що нам право натур, – сказав майже мстиво, – нам потрібна єрархія. Я не знаю, чи його розстріляють, але знаю, що Рубан мусить слухатись, мусить їхати.

Запалювався все більше:

– Ми мусимо все стягнути в свої руки, все в Україні, хоч би й найживловіші, наймалювничіші натури.

І поклав, як камінь, на стіл затиснений кулак.

– Все. Бо перед нами – великі завдання. Мусимо своїх Рубанів обтесати і пристосувати. Час минув на романтичні дикості. Все мусить бути зоране, розбудоване, розпляноване...”

В плане государственного развития, которое вырисовывается со слов Сербецкого, нет места для «романтической дикости», что к ней, кроме «живописных натур», относит этот «украинский римлянин» и вишневые сады, и живописные села, и «живописную Украину» вообще (определение Шевченко, что знаменательно). А тем временем Рубан удирает из-под стражи. Старшины выражают беспокойство, не ударит ли он по ним, собрав новых людей. Сербецкий, который в течение двух дней и ночей общался с Рубаном, уговаривают выполнить волю штабистов, успокаивает испуганного старшину:

„– Він уже не збере нікого, панове. Замок його порох. Ми присутні при його найбільшій поразці: він утік від власних людей”. Далее Сербецкий подытоживает свои впечатления от разговоров с Рубаном, к которому «он таки испытал симпатию», завершив гневно и отчаянно:

„І він мені не повірив”.

Рубан оставляет своё «завещание» – записку к Петлюре: *„Батько Петлюра! Як я бив проклятих зайдів, більшовиків, так і далі битиму. А з зрадниками, штабними і постачателями, мені не по дорозі, і ти їм не вірь. А як я поляжу, то мене лихом не згадуй і жінці вмерти з голоду не дай”.*

Встреча-столкновение с Рубаном оказывает сильное впечатление на Сербецкого:

„...І біль і гнів боролись на його лиці.

– Я вам скажу, панове, – процідив крізь зуби, – з Рубаном можна було б будувати імперії.

І вибіг, не зачинивши за собою дверей.

Цілий тиждень не розмовляв з ніким, ходячи з руками в кишенях коло табору. Провадив з кимсь безконечну розмову, просив когось і комусь погрожував безнастанно”.

Анализ новеллы «Рубан» дает основания для следующих выводов.

Ю.Липа сознательно мифологизирует фигуру Рубана, подчеркивает мощное созидательное начало в характере народного героя. Ведь в деятельности Рубана доминирует борьба, разрушение, которое естественно в ситуации гражданской войны. С точки зрения европейской культуры, на которую, очевидно, ориентируется Сербецкий, «живописная натура» крестьянского предводителя является анахронизмом. Как Рубан в своем волелюбии, так и Сербецкий во внедрении «єрархії» и железного порядка теперь и в будущем (чего стоят его слова о селах, выстроенных над дорогами, как казармы) доходят до крайностей. Однако есть то, что их объединяет: пылкая любовь к Украине, желание бороться за ее освобождение, жертвенность (Сербецкий, закончив дипломатическую школу, поехал не за границу, а на фронт). В конце концов, общим знаменателем есть нестандартность характеров. Они, объединив свои усилия, способны одолеть любого врага и одержать окончательную победу. Однако существуют другие, те, которые отдают приказы, но не умеют ни воевать, ни вести хозяйство. Это те, кого Рубан называет «штабистами», «поставщиками», «предателями» и

«гадюками», те, с кем в страшном волнении после бегства Рубана мысленно полемизирует Сербецкий.

Согласие между силой крестьянской «стихии» и национальным государственным началом возможно – утверждает в новелле «Рубан» Ю. Липа. Во время национально-освободительных соревнований двух этих мощнейших сил не была достигнута гармония, и потому они испытали поражение. Для нас важна несомненная авторская установка: превознести, в частности средствами мифообразования, образ украинского крестьянина, раскрыть его безграничный духовный потенциал, понять его правду, опровергнуть кощунственные представления о нем как о «свинопасе», громко заявить, что не крестьянин был главным виновником поражения УНР.

Новелла или повесть «Рубан» является ярким образцом прозы монументального историзма. Писатель создал монументальный характер украинского крестьянина, который, вопреки позорной идеологической разновекторности, можно поставить рядом с такими же характерами украинских крестьян, изображенными спустя десятилетия после Ю. Липы (по понятным причинам без опоры на его творчество) М. Стельмахом. Утверждая эту мысль, мы отнюдь не хотим преуменьшить напряжение идеологического противостояния между украинской советской литературой послевоенных десятилетий и эмигрантской литературой. Речь идет о другом: писательские позиции предельно сблизились, если говорилось не о политической заангажированности, а о воспроизведении красоты и величия народа.

Литература:

1. Грищенко О. Своя мудрість. Національні міфології та громадянська релігія в Україні. – К.: Український центр культурних досліджень, 1998.
2. Липа Ю. Нотатник. – К.: Український Світ, 2000.
3. Маланюк С. Книга спостережень. – Торонто, 1966. – Т. 2.
4. Маланюк С. Книга спостережень. Фрагменти. – К.: Наукове товариство ім. П. Могили, 1995.
5. Прокоп М. Дмитро Донцов. Напередодні незалежності України. – Нью-Йорк: НТШ, 1993.

Поступила 07.09.2004 г.

О СКАЗОЧНО-МИФОЛОГИЧЕСКОМ КОДЕ РОМАНА С.АНУФРИЕВА И П.ПЕППЕРШТЕЙНА «МИФОГЕННАЯ ЛЮБОВЬ КАСТ»

В.Б. Мусий

В статье устанавливается роль мифа в выражении авторской концепции действительности, особенности мифологического и сказочного топоса в романе.

Ключевые слова: миф, мотив, виртуальная действительность

У статті з'ясується роль міфу в вираженні авторської концепції дійсності, особливості міфологічного та казкового топосу в романі.

Ключові слова: міф, мотив, віртуальна дійсність

The article states the role of myth in manifesting of author's conception of reality as virtual, peculiarity of mythical and fantastic toposes.

Key words: myth, motive, virtual reality

Одним из ведущих признаков новейшей литературы является ее мифоцентричность. Об этом пишет большинство ученых, обращающихся к исследованию современного литературного процесса: в частности, Р.Барт, Е.Мелетинский, Ю.Лотман, М.Элиаде... Чем вызван процесс ремифологизации новейшей литературы? Здесь, как правило, называется целый ряд факторов. Так, например, А.Ю.Мережинская на одно из первых мест ставит смену картины мира, «расшатывание базовых онтологических и эпистемологических представлений» [8, с.195]. В.Земсков связывает обострение интереса писателей к мифу с актуализацией религиозно-мифологических пластов в сознании, усилением эсхатологических настроений в связи с переживанием «пороговой» ситуации. «Стремление массового сознания заполнить «идеологическое зияние», как-то скрепить своими средствами разбившуюся на множество осколков картину мира, – пишет исследователь, – выпустило из подполья на волю эзотерику, мифологические пласты различных уровней и соответствующую стилистику, ранее жившие в латентном состоянии» [4, с.323]. Специфика же и направленность этого